

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

После долгого осеннего ненастья наконец стала зима 1646 года. Два дня и две ночи в безветренном воздухе падал снег, и выпало его довольно, потом прихватило и сковало морозцем. Потом выглянуло солнце и все загорелось, заблестело. Глаза слепило от яркого света. Мороз не прибывал, но и не уменьшался. Путь установился сразу.

По дороге из Москвы в пригородное село Покровское с раннего утра шло и ехало много всякого люду - молодой царь Алексей Михайлович считал встречу зимы одною из любимых потех своих. Еще за три дня было объявлено по Москве, что в селе Покровском будет львиное зрелище и медвежья травля и что никому, не токмо что боярам и всяким дворцовым людям, но и всем вообще жителям Москвы невозбранно присутствовать на этих царских потехах.

Такое известие Москва приняла с большой радостью: уж очень по нраву всем была медвежья травля, а про львиное зрелище и говорить нечего: лев - зверь редкий, многими совсем не виданный. Привезли его недавно царю в подарок из Кизылбаша, из Персии. Поместили в яме у стены Китайгородской. По целым часам толпы стояли у ямы, видеть ничего не видели, но зато рыкание львиное слышали и оставались этим довольны. А вот теперь и самого этого заморского лютотого зверя видеть можно: ну и хлынула вся досужая Москва в село Покровское.

Колымаги за колымагами, сани за санями так и катятся по первопутью. Бояре, весь чин дворцовый, дворяне московские, служилые люди, из купцов тоже немало - всякий разрядился в праздничное платье, изукрасил своих коников, повешал ковров на широкие сани: тоже нужно и себя показать, в грязь лицом не ударить.

Большие были приготовления к празднику в Покровском. Сначала, как весть прошла о царской потехе, отцы и мужья сразу объявили, что бабам да девкам ехать не следует. Но бабы и девки были на это других взглядов. Они так пристали, так улещали, так упрашивали своих владык домашних, что те наконец, в большинстве случаев, должны были сдаться.

И вот по дороге в Покровское спешат не одни добрые молодцы и старцы, а и дебелие матери семейств и румяные, свежие, как морозное зимнее утро, московские красавицы. Само собою, лица их прикрыты фатой блестящей, сами они закутаны в шубки меховые, и стороннему человеку не увидеть, не разглядеть, сколько красоты и молодости, сколько разжиревшей или высохшей старости заключается в этих огромных грузных колымагах.

Но все же кое-кому поданы весточки, кое-кто с замиранием сердца и с светлою молодою грезой, бросив все дела и заботы, спешит в Покровское, хорошо зная, на какую закутанную, облик человеческий потерявшую фигуру следует глядеть глаз не отрывая, из-за какой фаты непроницаемой будут взглядывать с любовью и ласкою молодые глазки. И никакая строгость нравов и обычаев, никакая зоркость родительского присмотра не помешают кое-кому втихомолку и перешепнуться, и улучшить счастливое мгновение для быстрого, крепкого и сладкого пожатия нежной ручки. Только после этого пожатия не придется спрятать за пазуху маленькой записочки - нежная белая ручка писать не умеет, да и не нуждается ни в каком писанье. Шустрая девчонка из прислужниц, а то так и сама хитрая старая мамка, падкая до подарочков, лучше всяких записочек передадут кому следует и слово нежное, и название одного из благолепных храмов московских, где можно встретиться...

Время близится к полудню; ноябрьский день короток - спешить надо. И спешат, перегоняя друг друга, колымаги и сани.

Вдруг по всему широкому пути смятение: колымаги и сани сворачивают в сторону и останавливаются. Несколько вершников на лихих конях мчатся что есть духу и кричат зычным голосом: "Царь едет!" И точно, из-за поворота дороги, вся в ярких лентах и бубенчиках, вылетает тройка чудных коней.

В расшитых, изукрашенных коврами и причудливой резьбой санях широких, прикрытых богатой медвежьей полстью, видны две мужские фигуры, закутанные в собольи шубы и в высоких шапках. Хорошо знакомы в Москве два лица эти, - одно уже не первой молодости, благообразное и разумное, да и не без некоторого лукавства во взгляде. Другое лицо красоты поразительной, с ясными небесного цвета глазами, с ласковой улыбкой и милыми, совсем еще детскими, ямочками на румяных щеках.

Тройка мчится, обдавая всех направо и налево снежной пылью. Все ломают шапки и низко